

ная и потребность научная: одинъ мотивъ легко велъ къ идеализаціи, къ теоретическимъ, даже иногда поэтическимъ преувеличеніямъ предполагаемаго отвлеченнаго содержанія народности и ея бытовыхъ формъ; другой мотивъ заставлялъ искать строгихъ фактовъ и практическихъ данныхъ. Мотивы не всегда были разединены, напротивъ, очень часто соединялись, въ разныхъ степеняхъ, въ одномъ писателѣ, и общественный идеализмъ въ трудахъ такихъ писателей производилъ особенное дѣйствіе, возбуждалъ новыя сочувствія и вызывалъ къ дальнѣйшему изслѣдованію человѣчныхъ и возвышенныхъ сторонъ народности (напр. Герцень—въ сочиненіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ этому вопросу; Константинъ Аксаковъ; частію Щаповъ, и др.),—хотя бы эти труды иногда не вполне отвѣчали требованіямъ исторической критики. Вообще, обѣ точки зрѣнія часто дѣйствовали параллельно, дополняя и поправляя другъ друга; но распространяющееся господство реального критическаго метода все болѣе удаляетъ изъ исторіографіи идеалистическій произволъ. Историческое изученіе народа и народности все усложняется вступленіемъ въ него различныхъ частныхъ изслѣдованій — историко-юридическихъ, экономическихъ, соціально-бытовыхъ, этнографическихъ и пр.; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая задача опредѣляется все строже.—Въ послѣдніе годы, среди общественной неурядицы средній уровень литературнаго пониманія положительно понизился; но трудно думать, чтобы научныя пріобрѣтенія послѣднихъ десятилѣтій остались надолго бездѣйственными и не внесли, наконецъ, болѣе разумнаго и честнаго пониманія исторіи и народа.

А. Пыпинъ.

